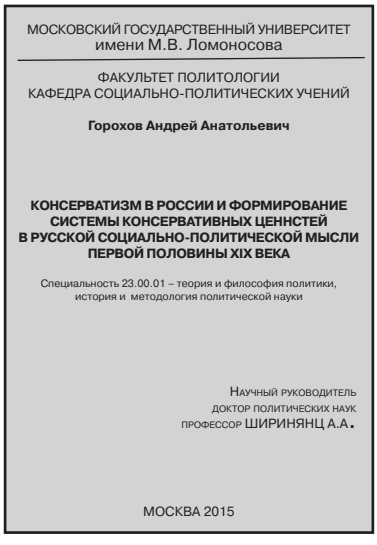
Отечественный консерватизм: определяя неопределимое

Часть третья


МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
КАФЕДРА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Горохов Андрей Анатольевич

КОНСЕРВАТИЗМ В РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННСТЕЙ В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Специальность 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки

Научный руководитель
доктор политических наук
профессор Ширинянц А.А.

МОСКВА 2015

Горохов А.А. Консерватизм в России и формирование системы консервативных ценностей в русской социально-политической мысли первой половины XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2015

Публикуется статья, подготовленная автором по материалам диссертации.

Оглавление

Введение

Раздел I. Основные парадигмы исследования консерватизма

Раздел II. Принцип бинарности в истолковании русского консерватизма

Раздел III. Культура России и формирование ценностей в русской консервативной мысли первой половины XIX века

Раздел IV. Политический контекст формирования ценностей в русской консервативной мысли первой половины XIX века

Раздел V. Структура социально-культурных ценностей в русской консервативной мысли первой половины XIX века

Раздел VI. Иерархия политических ценностей в русской консервативной мысли первой половины XIX века

Заключение

Литература

А.А. Горохов

Консерватизм в России и особенности русской консервативной социально-политической мысли первой половины XIX века*

Основные парадигмы исследования консерватизма

Многие исследователи признают, что дать определение консерватизма – задача весьма сложная. Несмотря на большой интерес российских политологов, историков, философов к проблеме консерватизма, уровень разработки данной научной темы находится на стадии определения подходов и формулирования оценок. Об этом пишет, в частности, К. Кокшенова, считающая, что «современная наука только подходит к проблемам отечественного консерватизма» [Кокшенова, 2003: 3]. Схожую точку зрения высказывают А.В. Ермаков [Ермаков, 2006: 14], А.В. Репников [Репников, 1999: 7], Е.В. Сартаков. Как отмечает А.П. Никитин, некоторые исследователи полагают даже, что термин «консерватизм» неуместно использовать в новейшее время, «так как те социальные институты, которые защищались консерваторами, окончательно перестали существовать». Подобная позиция имеет спекулятивный характер [См.: Никитин, 2010: 17].

Отличительным признаком современной стадии изучения консерватизма является разнообразие исследовательских подходов и методов его анализа. Разные исследователи предлагают свою трактовку консерватизма. Так, Л.Г. Ионин рассматривает консерватизм не только как идеологию, но и как религиозную доктрину: «Консерватизм – это то, что в христианской традиции именуется словом “катехон”, что означает “удерживающий”, т. е. то, что удерживает мир от воцарения зла и анархии…» [Ионин, 2010: 10]. О.Ю. Малинова утверждает, что консерватизм можно рассматривать как часть политического спектра, как доктрину и «как стиль мышления» [Малинова, 2003: 175]. И.В. Лукоянов считает консерватизм доктриной, которая защищает основы «существующего политического и социального строя» [Лукоянов, 2003: 4]. Последнее утверждение не совсем корректно, так как сводить консервативную функцию исключительно к защите существующего строя нельзя. В такой интерпретации консерватизм лишается единого идейного и ценностного содержания, потому что это содержание, по логике И.В. Лукоянова, меняется в зависимости от приоритетов и целей доминирующих субъектов политического процесса. Поэтому анализ теории консерватизма становится невозможным. Здесь необхо-

* В основу статьи положены материалы кандидатской диссертации автора: *Го*рохов А.А. Консерватизм в России и формирование системы консервативных ценностей в русской социально-политической мысли первой половины XIX века: Дисс. … канд. полит. наук. М., 2015.

Горохов Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: studes@yandex.ru

димо заметить, что некоторые исследователи не рассматривают консерватизм как теорию. Так, например, А.Н. Боханов, утверждает, что у консерватизма есть только «сумма мировоззренческих признаков и общественных ориентиров» [Русский консерватизм, 2001: 113] и совершенно нет никакой теории. Согласно Э.Ю. Абелинскасу, консерватизм – это объединение «некоторых ценностей, теорий, взглядов, оценок и эмоциональных реакций» [Абелинскас, 1999: 17]. А.А. Галкин и П.Ю. Рахшмир в своих исследованиях пытаются доказать, что консерватизм, – скорее набор положений и догматов [Галкин, Рахшмир, 1987: 36]. В.Э. Багдасарян считает консерватизм явлением прилагаемым, поскольку весь его идеологический арсенал «растаскивается по другим идеологиям» [Багдасарян, 2010: 111].

Но если консерватизм не является системой теоретических утверждений, не имеет единой теории, тогда что он такое? По мнению В.И. Шамшурина, консерватизм есть «познавательная теоретическая установка по отношению ко всему ценному в идейном наследии и творчеству нового знания» [Шамшурин, 1991: 101]. Д.В. Девяткин и В.Г. Николаев считают консерватизм установкой по защите всего прошлого [Девяткин, Николаев, 2011: 15]. Согласно Н.П. Андросенко, консерватизм необходимо рассматривать прежде всего как «специфическую консервативную эпистемологию» [Андросенко, 2013: 98]. Дж. Хоган рассматривает консерватизм как некую инстинктивную философию, возникшую из традиций и социального опыта [См.: Консерватизм в ценностных ориентациях канадского общества, 1990: 5]. Культуролог Р. Керк считает, что консерватизм отрицает идеологию, так как он есть только «состояние ума, тип характера, способ взглянуть на гражданский социальный порядок…» [Kirk, 2014]. По мысли М. Оукшота, в центре консерватизма – «склонность довольствоваться тем, что есть» [Оукшот, 2002: 65].

Ряд исследователей исходит из теоретической установки, что консерватизм – это тип мышления. По мысли А.В. Репникова, консервативное мышление отражает потребность личности «в стабильности и порядке» [Русский консерватизм, 2001: 106]. В. Урбан, исследователь из Германии, также утверждает, что в консерватизме «главным началом является сохранение существующего порядка» [Урбан, 2002: 71]. Г.П. Хорина отмечает, что главным содержание консерватизма «является следование основополагающим традициям страны, ее ценностям» [Хорина, 2012: 84]. Схожую позицию декларирует представитель австралийской школы П. Мерфи, который считает, что консерватизм отличается уважением к прошлому, стремлением к сохранению традиций и преемственности [См.: Murphy, 2013: 72].

Все названные исследователи, по сути, исходят из того, что консерватизм – это эклектическая совокупность установок и идей, направленных на стабильность и порядок. Но к чему в таком случае стремится антипод консерватизма – к безудержным изменениям и беспорядку? Разумеется, нет. К этому добавим, что иногда внешняя стабильность и порядок могут привести в перспективе к большим потрясениям в обществе, а кардинальные изменения в настоящем могут, наоборот, заложить основу для стабильного развития в будущем.

При всем разнообразии подходов к анализу и выявлению сущности консерватизма в современной историографии был сформулирован и интегральный подход. К примеру, в работе А.А. Ширинянца утверждается, что консерватизм может быть истолкован либо как политическая идеология, либо как универсальное явление, которое включает в себя характеристики консерватизма и как способа (стиля) мышления, и как политическую идеологию, и как совокупность поведенческих установок. Такую расширительную трактовку (интегральный подход) исследователь считает оправданной и соответствующей реальности [См.: Ширинянц, № 3, 2014: 168]. Схожее мнение высказывают и

некоторые зарубежные авторы, считающие, что «консерватизм имеет разные интерпретации, но две являются доминирующими» [Abdul Hamid, Takiyuddin Ismail, 2012: 382]. Первая из них трактует консерватизм как умонастроение, характер, способ рассмотрения социальных порядков, вторая – как идеологию, теорию или систему верований. При всей их несхожести доминирующие интерпретации «взаимозаменяемы в исследованиях по консерватизму» [Там же]. На наш взгляд, интегральное понимание консерватизма обусловлено тем, что он может выступать, в том числе, и в форме мировоззрения.

Проанализируем «два подхода», «две интерпретации» консерватизма или же, говоря иначе, идеологическую и мировоззренческую парадигмы его рассмотрения.

При исследовании консерватизма как идеологии возникает несколько серьезных гносеологических проблем. Так, по мнению Я.-В. Мюллера, исследователя из Принстонского университета, существует три причины, затрудняющие познание и анализ консерватизма как идеологии. Во-первых, отсутствие базового идейно-теоретического текста, который всесторонне рассматривал бы консерватизм, «за исключением, возможно, книги Бёрка» [Muller, 2006: 360]. Во-вторых, невозможность выработать универсальное определение консерватизма [См.: Там же]. В-третьих, пересмотр консервативными политиками в результате политической борьбы принципов консервативной идеологии. В силу вышеперечисленных причин при научном анализе консерватизма возникает множество противоречий и несовпадений, которые чрезвычайно осложняют процесс определения собственных конститутивных характеристик консерватизма и, следовательно, его выделения из иных идеологических течений.

В целом в рамках идеологической парадигмы рассмотрения консерватизма выделяются по крайней мере два подхода. Согласно первому подходу, консервативной идеологии свойствен универсализм. Его сторонники утверждают, что идеология консерватизма есть совокупность идей универсального характера. Сторонники второго подхода считают необходимым учитывать культурные различия обществ, в которых зарождается и развивается идеология консерватизма.

Двойственное понимание идеологии консерватизма является следствием «широкого» и «узкого» взгляда на феномен идеологии вообще. В рамках «узкого» подхода идеология трактуется как совокупность идей, нивелирующих культурное разнообразие, ориентирующихся на универсальность и однообразие. На наш взгляд, так как такая однообразная гомогенная система недостижима, то и идеологические постулаты в этом отношении представляются как нечто желаемое, но недосягаемое. Именно так описывает идеологию К. Манхейм: «Идеологиями мы называем те трансцендентные бытию представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания… В ходе реализации их содержание обычно искажается» [Манхейм, 1994: 166]. По сути идеология консерватизма может при такой трактовке даже противостоять культурной среде того общества, где данная идеология насаждается.

Но в науке существует и «широкое», культурологическое понимание идеологии. Такой подход к идеологии, например, изложен в работах К. Гирца. Гирц рассматривает идеологию как культурную систему, которая в отличие от объективной науки, призванной к диагностическому, критическому измерению культуры, направлена на оправдательное, апологическое действие, «устанавливает и защищает убеждения и ценности» [Гирц, 1998: 33]. Иными словами, широкий подход предполагает то обстоятельство, что идеология может учитывать особенности культуры и является ее частью.

В свою очередь идеологические интерпретации консерватизма могут осуществляться как с позиции «узкого» («идеология консерватизма не учитыва-

ет многообразия культур»), так и «широкого» («идеология консерватизма учитывает различие национальных культур») его истолкования.

В первом случае предполагается, что консервативная идеология имеет универсальный характер и поэтому, как следствие, не учитывает очевидный фактор – различие и многообразие культур и традиций. Так, например, американский политолог К. Робин чрезвычайно упростил содержание консерватизма, объединив всех консерваторов и консервативную мысль вокруг одной идеи – идеи реакции [См.: Робин, 2013]. В ряде исследований идейное содержание консервативной идеологии объясняется одинаковостью психологических реакций индивидов. Развернутое обоснование такой психологической интерпретации консервативной идеологии, в частности, дано в совместной статье представителей Калифорнийского университета, университета штата Мэриленд США и Стэнфордского университета Джон Джост (John T. Jost), Джек Гласер (Jack Glaser), Ари Круглянски (Arie W. Kruglanski), Франк Суловей (Frank J. Sulloway). Опираясь на теорию «динамического консерватизма» британского профессора психологии Гленна Вильсона [См.: Wilson, 1973], они утверждают, что люди следуют определенной идеологии, стремясь «удовлетворить свои психологические потребности и мотивы» [Jost, Glaser, Kruglanski, Sulloway, 2003: 341]. Данная теория рассматривает консерватизм как ответную реакцию на бессознательную потребность (мотив) защититься от социально-психологических страхов и тревог, порождаемых анархией, инакомыслием, неопределенностью социальных и политических реформ и преобразований, новизной и др. Иными словами, перечисленные страхи и угрозы служат психологической основой «консервативных взглядов», к которым исследователи относят «суеверия, религиозный догматизм, этноцентризм, милитаризм, авторитаризм, карательные меры, условность и жесткую мораль» [Там же: 347]. Исходя из этого, в основе консервативной идеологии лежит потребность человека снизить фактор неопределенности и тем самым ослабить страх[1]. Люди с консервативными взглядами очень осторожно относятся ко всему новому, к изменениям, которые «нарушают существующие реалии, и это чревато эпистемологической неуверенностью» [Там же: 351]. А неуверенность порождает страх, который побуждает человека поддерживать в обществе неравенство. Исходя из такого психологического подхода, сопротивление переменам и поддержка неравенства в обществе – это две основные идеи консерватизма, которые сохраняются, несмотря на все культурные различия.

То, что консервативной идеологии свойственна идея неравенства, обосновывается в другой коллективной работе американских исследователей, которые считают, что данная идеология выполняет лишь одну социально-политическую функцию: призвана «морально и интеллектуально легитимизировать неравное распределение ценностей между различными группами в социальной системе» [Sidanius, Pratto, Bobo, 1996: 478] и, как следствие, идейно обосновывает иерархические отношения в обществе. Однако если следовать заявленной логике, если признать консерватизм универсальной идеологией, которая базируется на неравенстве и сопротивлении переменам, тогда придется согласиться и с вытекающим из этого признания однозначным выводом – любая национальная модификация консерватизма должна поддерживать идейное единство, которое обосновывает неравенство и сопротивление переменам. Понятно, что

[1] Современные американские и канадские исследователи отмечают и социальную значимость консервативных взглядов как способствующих «большей личной ответственности, самодисциплине и социальной стабильности» (*Hirsh J.B., DeYoung C.G., Xu X., Peterson J.B.* Compassionate Liberals and Polite Conservatives: Associations of Agreeableness with Political Ideology and Moral Values // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. № 36(5). P. 662).

столь узкое и откровенно однобокое понимание консервативной идеологии совершенно не учитывает культурное разнообразие и примитивизирует содержание консервативной идеологии.

В рамках узкого понимания консервативной идеологии в целом определенным образом интерпретируется и политическая идеология консерватизма. Так, Я.-В. Мюллер считает, что консерватизм «никогда не сводится к одной вере, распоряжению или практике» и может выражаться как минимум в четырех измерениях [См.: Muller, 2006: 361]. Первое измерение – «социологическое», исходя из которого консерватизм представляется конкретной политической программой определенной социальной группы или партии, пытающейся сохранить свои привилегии. Второе измерение – «методологическое». В этом измерении консерватизм характеризуется принципом политических преобразований: «Реформы необходимы время от времени, но они должны… тщательно сохранять или даже осторожно улучшать то, что уже существует» [Там же: 362]. Третье измерение – «эстетическое». И последнее, четвертое измерение – «философское», которое накладывает на консерватизм «обязательство реализовать набор базовых ценностей, созданных до настоящего времени» [Там же: 363]. Однако, на наш взгляд, очевидно, что политический консерватизм существенно различается в разных странах и в разные исторические периоды. В связи с этим возникает вопрос: насколько применимы критерии («измерения») консерватизма как политической идеологии определенной партии, скажем, в России? Если исходить из определения консерватизма как конкретной политической программы определенной социальной группы или партии, которая пытается сохранить свои привилегии, то в первой половине XIX века в России такого консерватизма просто не было, как не было и консервативных политических организаций. Но отсутствие консервативных политических партий в России в XIX веке вовсе не говорит о том, что в стране не было консервативной политической идеологии. В то время в России идеология консерватизма ориентировалась на сохранение в государстве монархической формы правления, то есть выступала государственной идеологией самодержавия. Таким образом, трактовка консерватизма как идеологии определенной политической партии в нашем случае оказывается несостоятельной.

Идеология консерватизма может рассматриваться и более широко [Обзор таких трактовок см.: Гуторов, 2011: 98]. Такой подход предполагает, что консерватизм является результатом развития культуры и учитывает особенности различных культур. В отечественной литературе такой подход представлен, в частности, В.С. Дубиной. В ее исследовании консервативная идеология предстает не суммой единых идей и ценностей, которые сохраняются от эпохи к эпохе, а определенным теоретическим и идеологическим ответом конкретного общества на определенные социально-политические обстоятельства в конкретный исторический промежуток времени. Содержание консерватизма одной исторической эпохи, определенной культуры в определенном государстве будет отличаться от содержания консерватизма другой исторической эпохи, иной культуры и государства. Иначе говоря, ценностное содержание консерватизма зависит от времени и места [Дубина, 2001: 75].

Необходимо отметить, что в подобных интерпретациях консерватизм как идеология всегда предполагает некое подчинение культуры идеологии. При таком понимании консерватизма не культура создает содержание консервативной идеологии, а идеология определяет приоритеты и ценности, и, следовательно, управляет культурным процессом. Принцип зависимости культуры от идеологии обосновывают некоторые отечественные исследователи. К примеру, Ю.Е. Милованов утверждает, что «усилия по созданию интегративной идеологии необходимо рассматривать не как политическую задачу, относящуюся к

деятельности государства, а скорее как стратегическую программу культурного строительства» [Милованов, 1993: 68]. Ю.Г. Волков пишет: «Идеологическая структура общества определяет развитие всех сфер социума и неразрывно связана с его культурой» [Волков, 1994: 7]. При таком подходе политическая идеология представляется теоретической основой развития всего многообразия культурных отношений. Но, с нашей точки зрения, идеология является отражением и следствием развития культуры. Невозможно согласиться с тезисом, согласно которому «…в постмодернизме идеологические и культурные течения обобщаются» [Маршак, 2008: 31]. Распространенное в постмодернистском дискурсе мнение, что идеология определяет вектор развития культуры, или что идеология в своей сути не что иное, как культура, создает теоретическую основу для утверждения зависимости культуры от политики. При таком подходе научное творчество, религия, искусство представляются производными от политики, в центре которой стоит политический вопрос о государственной власти и ее ценностном, идейном и теоретическом обеспечении. На наш взгляд, в таком случае с неизбежностью нивелируются многообразные формы культурного бытия и творчества, формируется монолитная и однообразная система, которая, говоря словами русского философа Б.П. Вышеславцева, «не терпит научного познания, не допускает сомнения, не признает ничего неясного и нерешенного, не любит самостоятельной мысли» [Вышеславцев, 2007: 86]. Добавим, что процесс поглощения культуры идеологией неизбежно приводит к насильственному управлению культурой, в результате которого значительно сужается культурное пространство и, как следствие, сознательно игнорируются традиционные ценности, знания и опыт. Массовое разрушение православных храмов и религиозных памятников, физическое уничтожение священнослужителей, религиозных мыслителей и целых сословий в начале XX века в России – исторический пример попыток изменения культуры и традиций ради достижения определенных идеологических и политических целей. Правда, культура всегда сильнее любой идеологии и любых идеологических конструктов, так как в ее основе лежит творческий потенциал человека, его созидательное начало, которое значительно шире идеологических рамок. Достаточно вспомнить советскую эпоху в истории нашей страны, когда несмотря на доминирование государственной идеологии, представители искусства и культуры создавали шедевры, ставшие достоянием мировой культуры. Например, если обратиться к творчеству А.А. Тарковского или В.М. Шукшина и многих-многих других представителей творческой интеллигенции советского государства, то их работы нельзя трактовать как реализацию идеологических целей и установок социализма. Все это свидетельствует о невозможности полного подчинения культуры идеологией, и в конечном счете о том, что теоретическая позиция, рассматривающая идеологию как ядро культуры, некорректна.

Возвращаясь к идеологии русского консерватизма первой половины XIX века, подчеркнем, что она была подчинена двум главным задачам: сохранению самодержавия как формы государственного управления и идеологическому обоснованию развития Российской империи во главе с самодержцем. Идеологию русского консерватизма можно, конечно, рассматривать и как форму государственного управления культурным процессом в целях сохранения самодержавия, однако здесь ни в коем случае нельзя сводить управление к поглощению культуры идеологией или к властному насилию над ней. В этой связи уместно упомянуть один из возможных продуктивных механизмов управления культурой через идеологию, который в наше время описал исследователь из Амстердамского университета Тён А. ван Дейк. Он верно подметил, что «идеологии выполняют когнитивную функцию организации социальных репрезентаций (установки, знания) данной социальной группы, и, следовательно, косвенно

контролируют относящиеся к этой группе социальные практики, а значит, и речевую деятельность входящих в нее индивидов» [Van Dijk, 1995: 248]. В другом исследовании ван Дейк конкретизировал технологию управления через идеологический дискурс: «Те, кто контролируют дискурс, могут косвенно контролировать сознание людей. А поскольку действия людей управляются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), контроль над сознанием означает также косвенный контроль над действиями» [Ван Дейк, 2014: 27]. С таких позиций, идеология русского консерватизма первой половины XIX века не столько «командовала» культурой, сколько формировала теоретические знания, которые обосновывали культурную и социально-политическую необходимость сохранения и развития самодержавной власти в России.

Как отмечалось выше, наряду с идеологической парадигмой существует и мировоззренческая парадигма рассмотрения консерватизма. Исходя из такой парадигмы, не идеология управляет культурным развитием, а культура и ее ценности выступают базисом консервативного мировоззрения. Это главное отличие мировоззренческой парадигмы от идеологического рассмотрения консерватизма.

Верховенство национальной культуры над идеологическими конструктами отмечают многие отечественные ученые, анализирующие консерватизм. Так, А.А. Ширинянц считает, что представители консервативных взглядов, в противовес своим оппонентам, отстаивают «идеи национальной самобытности, культурного своеобразия, охранения традиционных национальных начал от разрушения инонациональными и космополитическими веяниями» [Ширинянц, 2011: 216]. По мнению И.Д. Осипова, главная задача консерватизма «осуществить ретрансляцию культурных ценностей, сохранить стабильность в обществе и интегрировать социум на основе его базовых ценностей. В этом его сила и значимость для культуры» [Осипов, 2004: 108]. Согласно А.В. Белову, консерватор – это «хранитель традиций, сберегающий культурное наследие как основание новаций» [Белов, 2004: 5].

В рамках мировоззренческой парадигмы истолкования консерватизма, принцип приоритета культуры над идеологией исходит из различия национальных культур. Все народы разные, это различие народов лежит в основе содержательного многообразия консерватизма как мировоззрения. Здесь необходимо подчеркнуть, что именно культурное разнообразие мира создает предпосылки для многообразия консервативных идей. Чтобы точно установить основы и ценности национальной консервативной идеи, в первую очередь необходимо исследовать культуру народа, в которой консервативная идея развивается. Поэтому и анализировать своеобразие русского консерватизма первой половины XIX века необходимо через призму русской культуры, ее базовых ценностей и закономерностей развития. Собственно, культурное многообразие народов является основной причиной отсутствия того самого «базового», основополагающего текста или научного исследования в консерватизме, о котором писал Я.-В. Мюллер. Поэтому консервативные мыслители и исследователи, преимущественно говорят о ценностях того консерватизма, который развивается в рамках определенной культуры и в определенном государстве. Так, например, Бёрк в своей работе «Размышления о революции во Франции» отнес к основным ценностям консерватизма в Англии: церковь, монархию, аристократию и демократию такими, какими они были именно в его время в Англии [См.: Берк, 1991: 117]. Тем самым он как консервативный мыслитель теоретически обосновывает ценности, которые исторически сформировались в Англии. В иных государствах консерватизм будет иметь иное ценностное содержание, в силу того, что у других стран иная история и культура. Турецкий исследователь консерватизма Хакан Йылмаз уже в совре-

менную эпоху сформулировал «золотую формулу» консерватизма в Турции. В данную формулу вошли такие ценности, как: семья, развитие экономики, политическая стабильность, сохранение турецких обычаев и традиций [См.: Yılmaz, 2008: 59]. В Германии базовыми ценностями консерватизма являются, по мнению немецкого общественно-политического деятеля К. Биденкопфа, свобода личности, семья и социальная солидарность [См.: Биденкопф, 1989: 97]. Другой общественно-политический деятель Германии, М. Ингенлат, к «немецким» ценностям консерватизма отнес интересы личности, достоинство человека и семью [См.: Механик, 2014]. Учитывая наличие различных национальных подходов к системе ценностей консерватизма, можно утверждать, что исследователи консерватизма, анализируя ценностное содержание консерватизма, рассматривают, в сущности, мировоззрение народа, исторические особенности развития народной культуры.

Говоря о своеобразии русской культуры и национального мировоззрения, на наш взгляд, нужно исходить из формулы С.Л. Франка: «…Национальное мировоззрение, понимаемое как некое единство, ни в коем случае, конечно, не является национальным учением или национальной системой – таковых вообще не существует; речь идет, собственно, о национальной самобытности мышления самого по себе, о своеобразных духовных тенденциях и ведущих направлениях, в конечном счете о сути самого национального духа, которая постигается лишь посредством некоей изначальной интуиции» [Франк, 2014]. И действительно, русские консервативные мыслители первой половины XIX века, формируя основы консервативного мировоззрения, постигали мировоззрение своего народа чаще интуитивно, а не рационально. Именно через познание культуры народа формировался русский консерватизм как оригинальное и полифоническое мировоззрение.

С нашей точки зрения, приоритет культуры и ее развития над идеологическими задачами – главный признак консервативного мировоззрения. Доминирование культуры в рамках консерватизма обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что консерватизм выступает «против идей универсализма, эгалитаризма, интернационализации общественной жизни…» [Троско, 2006: 94]. По мнению профессора Варшавского университета Е. Шацкого, основополагающая миссия консерватизма состоит в защите общества «от вторжения универсалистских по своей природе образцов рационализма и революции» [Шацкий, 1990: 228]. Раньше других это утверждал К.Н. Леонтьев, по словам которого, отвергая универсализацию, унитаризм, единоформенность, консерватизм борется за сохранение культурного разнообразия, «цветущую сложность» мира[1]. Во-вторых, консервативное мировоззрение исходит из признания приоритета ценностей национального сознания. Такой подход обусловливает совершенно определенное представление о мировой культуре как об оригинальном сочетании многообразных национальных культур, при котором каждый народ сохраняет и развивает собственную культуру, внося свой уникальный вклад в культуру мировую. В результате культура человечества объединяет многообразные формы народных культур. А консерватизм в

[1] «Цветущая сложность» является для К.Н. Леонтьева высшей точкой развития, она «есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством». (*Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Византизм и славянство: Великий спор. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 88). На этом этапе система имеет много элементов, много отличительных признаков, много функций, отражающих историческое время, в котором она развивается. О концепции Леонтьева см.: *Ширинянц А., Мячин А.* Русская социально-политическая мысль XIX века: К.Н. Леонтьев. М: Изд-во Московского университета, 1995; *Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А.* Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М.: Книжный дом «Университет», 2000.

каждой стране противостоит унификации народной культуры, но вместе с тем способствует культурному взаимообмену между разными народами, так как именно диалог культур создает предпосылки для развития как народной, так и мировой культуры.

Таким образом, в мировоззренческой парадигме консерватизм становится транслятором культурного наследия народа во времени и пространстве. Более того, консерватизм предстает формой культурного самосознания народа, и его можно рассматривать как идейное отражение и выражение национальной культуры. Как следствие, методологический инструментарий анализа консерватизма конкретного народа должен соотноситься с конкретной культурой, не противоречить пониманию культуры того народа, в рамках которой развивается консерватизм. Рассмотрение консерватизма как идеологии и как мировоззрения позволяет констатировать, что русский консерватизм первой половины XIX века мог принимать как форму монархизма для сохранения и развития самодержавия (идеологическая парадигма рассмотрения), так и форму идейного и ценностного отражения народной культуры (мировоззренческая парадигма рассмотрения).

Учитывая эту органическую связь консерватизма с культурой, необходимо обозначить понимание того, что мы называем культурой, так как в науке в настоящее время отсутствует однозначное, признанное всеми определение культуры и, более того, отмечается тенденция количественного роста определений[1].

На наш взгляд, определяющий вклад в понимание культуры сделал И. Кант [О роли и месте Канта в современной политической философии см.: Гуторов, 2011: 343–351; Гуторов, 2005: 7–14], который утверждал, что «приобретение разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит, его свободы – это культура» [Кант, 1966: 464]. Но постановка цели зависит от ценностных установок субъекта. Соответственно от того, что подразумевается под ценностями, зависят и процедуры целеполагания. Тем самым формируется и общий вектор развития культуры. Кант фактически заложил основу для формирования аксиологического подхода к культуре. В XX веке свою лепту в формирование аксиологического подхода к культуре внесли представители Баденской школы неокантианства[2].

Именно аксиологический подход дает возможность рассматривать культуру как целостное явление, не противопоставляя творчество и традицию, индивидуальное и общественное, национальное и наднациональное в культуре. Он позволяет также совместить оценочные и целеполагающие функции культуры.

[1] В 1952 году американские антропологи А.Л. Кребер и К. Клакхон насчитали только в англоязычной литературе 164 определения культуры. В 2003 году К. Соколов и В. Жидков утверждали, что существует около 500 определений понятия «культура» (*Соколов К., Жидков В.* Теория культурной политики: понятийный аппарат и основные определения // Культурная политика. Проблемы теории и практики: Сб. статей. СПб., 2003. С. 7). К концу XX века, как полагают некоторые специалисты, количество определений понятия «культура» приблизилось к тысяче (См.: *Попов И.И.* Культура и культурология // Наука в России. 2004. № 4. С. 73). Обзор подходов к определению культуры см.: *Васич В.В., Ширинянц А.А.* Политика. Культура. Время. Мифы. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 37 и сл.

[2] Немецкий философ, один из основателей Баденской школы неокантианства Г. Риккерт, считал, что «природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и предоставлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности» (*Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика. 1998. С. 54–55).

Ключевым понятием в аксиологическом анализе выступает ценность. Именно ценности являются основой культуры[1].

Многие авторы делят ценности на положительные и отрицательные. В таком случае и культуру следует делить на положительную (способствующую полноте бытия) и отрицательную[2]. Но отрицательную (или разрушительную) систему ценностей правильнее было бы называть антикультурой. Поэтому более корректной представляется позиция И.А. Ильина, считавшего, что «культура есть живое духовное, творческое содержание, дорога наверх, к святыне, к совершенству человека» [Ильин, 2007: 196]. Учитывая такое понимание культуры, можно предположить, что идеологическая парадигма рассмотрения консерватизма ведет к сужению его ценностного потенциала. Мировоззренческая же парадигма, напротив, учитывает реальный созидательный потенциал консерватизма, ценности которого отражают народную культуру, способствуют ее развитию, предполагают поиск новых форм творчества, побуждают личность к совершенствованию.

И, наконец, большое значение для выявления взаимосвязи консерватизма и ценностей имеет понимание процесса изменения самих ценностей. В отношении эволюции ценностей в науке существуют разные подходы. По мнению Р. Инглегарта и У.Е. Бейкер, можно выделить две конкурирующие теоретические школы. Представители первой школы считают, что в результате модернизации осуществляется конвергенция ценностей, полагая, что экономические и политические изменения ведут к культурным изменениям. Данная школа предрекает замещение традиционных ценностей современными. Представители второй школы утверждают, что традиционные ценности сохраняют свое влияние на социально-политические и культурные процессы, несмотря на экономические и политические изменения в обществе [См.: Inglehart, Baker, 2000: 19–51].

Таким образом, в ходе анализа различных методологических подходов к исследованию консерватизма было выявлено отсутствие конвенции научного сообщества по поводу не только истолкования феномена консерватизма, но даже по поводу определения самого понятия «консерватизм». Это создает существенные трудности для реконструкции системы ценностей в русской консервативной мысли первой половины XIX века.

Из всего многообразия истолкований консерватизма, выделяются две доминирующие его интерпретации: идеологическая и мировоззренческая.

Идеологическая трактовка консерватизма как в узком (стремится к универсальности), так и в широком (учитывает разнообразие национальных культур) понимании исходит из того, что идеология, вырабатывая смыслы, идеи, идеальные ценности, управляет политическим процессом. Согласно такой трактовке, культура, традиции, история того или иного народа являются под-

[1] Аксиология имеет давнюю традицию – впервые категорию «ценимое» (timia) ввел Аристотель (384–322 до н.э.), который, рассматривая отдельные виды благ, писал: «Ценимым я называю благо божественное, самое лучшее, например, душу, ум, то, что изначально, первопринцип и тому подобное. Причем, ценимое – это почитаемое, и именно такого рода вещи у всех в чести» (*Аристотель.* Большая этика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 299). См. также: *Гуторов В.А.* Универсальная царская власть и «альтернативная модель конституций» в «Политике» Аристотеля // *Гуторов В.А.* Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, Факультет политологии, 2011. С. 227–236; *Он же.* К проблеме формирования аристотелевской концепции практической философии // Там же. С. 236–240.

[2] Сравните, например, трактовки ценности Н.О. Лосским (*Лосский Н.О.* Ценность и бытие [Электронный ресурс] // Psylib.org.ua: [сайт]. URL: http://psylib.org.ua/books/lossn01/txt03.htm) и М. Штирнером (*Штирнер М.* Единственный и его собственность. СПб.: Азбука, 2001. С. 226).

чиненными политической конъюнктуре и политической целесообразности властвующих элит. В первой половине XIX века важнейшей задачей властвующая российская элита считала сохранение монархической самодержавной власти в Российской империи, поэтому идеология русского консерватизма представляла собой совокупность идей апологетического характера, направленных на выполнение этой задачи. Такова позиция сторонников идеологической парадигмы истолкования консерватизма. Мировоззренческая же парадигма исходит из понимания того, что основой консерватизма является культура народа. Консервативная аксиологическая система отражает ту культуру, в которой она развивается. В первой половине XIX века в России начинается процесс осмысления национальной культуры, и именно в это время происходит формирование русского консерватизма, для которого ценности культуры вообще и ценности народной культуры в частности являются синонимами. В мировоззренческой парадигме исследования консерватизма становится явным его укорененность в народной культуре. Поэтому мировоззренческий консерватизм первой половины XIX века в России – это ценностное отражение народной культуры и одновременно представление о ее развитии. Если идеологическая парадигма сужает феномен консерватизма до идеологического обоснования сохранения и развития самодержавия, то мировоззренческая ориентирована на анализ феномена консерватизма во всей полноте бытия, в его связях с народной культурой и бытом.

Исходя из этого, можно утверждать, что консерватизм в России первой половины XIX века выступал в двух формах: как политическая идеология («идеологический консерватизм») и как народное мировоззрение («мировоззренческий консерватизм»), в содержании которых системообразующими ядрами являлись *самодержавие* – для «идеологического консерватизма» и *ценности* традиционной народной культуры – для «мировоззренческого консерватизма».

Принцип бинарности в истолковании русского консерватизма

При существующем множестве подходов к пониманию консерватизма можно, как это показано выше, выделить две парадигмы, два основных подхода к истолкованию этого феномена, позволяющих говорить о «бинарности» консерватизма. Бинарность эта заключается в том, что консерватизм проявляется в двух формах. С одной стороны, консерватизм может выступать идеологической основой сохранения и развития существующей политической системы (для России первой половины XIX века – это самодержавие), а с другой – быть идейным выразителем развития ценностей народной культуры. При этом бинарность консерватизма не предполагает оппозиционного противоречия двух его сторон, которые взаимно дополняют друг друга.

Понятно, что бинарность консерватизма не могла не найти отражения в трудах мыслителей, рассуждавших о сущности консервативной идеологии и мировоззрения. Отечественные мыслители XIX века – М.П. Погодин, славянофилы (А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин), Ф.И. Тютчев, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров – могут рассматриваться как яркие представители русской мысли, обратившие внимание на бинарность консерватизма.

Основы для понимания двойственной природы консерватизма заложили славянофилы. Именно они впервые отметили его неоднозначность и многогранность, а также предприняли попытку выявить особенности русского «истинного консерватизма» [Хомяков, 2008: 453] с учетом своеобразия русской культуры. Это явственно прослеживается у И.С. Аксакова, который отождествляет кон-

сервативное и народное: «…консервативно только то, что народно, то есть что действительно живет и способно к жизни; и только то, что народно (и потому консервативно), только то и прогрессивно. Следовательно, вопрос не в том, что принадлежит к ведомству охранительному, что к прогрессивному, а в том, что народно и что не народно» [Аксаков, 2008: 96]. Славянофилы напрямую связывают консерватизм с народной культурой. При этом необходимо заметить, что сама идея отождествления консервативного и народного была заимствована славянофилами у теоретиков «официальной народности», в частности, у историка и русского патриота М.П. Погодина. Именно Погодин писал, что в России «консерватизм выражается народом» [Погодин, 2008: 380]. Он также обратил внимание на недостаток в отечественной литературе статей «нашего духа: консерваторов с прогрессом» [Погодин, 1901: 44]. Заметим, что отождествление консерватизма с ценностным содержанием народной культуры возможно, если именно народ рассматривать в качестве носителя культурных ценностей (так считал Погодин). Если же относиться к культуре как к сфере исключительно общечеловеческой и универсальной, то и содержание консерватизма неизбежно будет приобретать абстрактно универсальный характер, не отражающий уникальности культурно-исторического развития народов.

Под действием европоцентристской идеи об универсальности культурного развития возник еще один вариант интерпретации консерватизма, которая, по сути, была противоположна «народному» пониманию консерватизма. Это подметил Ю.Ф. Самарин: «Предполагалось, что в Русской земле, как и в Западной Европе, борются два начала: революционное, наступающее, стремящееся к ниспровержению законного порядка, и обороняющееся, консервативное» [Самарин, 2008: 295]. По мнению славянофилов, именно под влиянием такой модели у некоторых государственных деятелей в России сформировалось представление о консерватизме как о простой консервация существующего положения вещей, без исторических перемен и позитивного развития политической системы и культуры.

Из бинарности консерватизма исходил и Ф.И. Тютчев [См.: Мырикова, 2003]. В частности, при описании особенностей консерватизма он использует следующие словосочетания: «мнимые консерваторы» [Тютчев, 2003: 220] и «подлинный принцип консерватизма» [Тютчев, 2003: 300]. Тютчев разделял позицию славянофилов относительно сущности консерватизма. В одном из писем своей дочери Анне (жене И.С. Аксакова) он писал: «Из всех общественных направлений, представленных в русской печати, его направление [И.С. Аксаков и его газета «Москва»] носит наиболее ярко выраженный национальный характер и именно потому представляется наиболее откровенно консервативным…» [Тютчев, 2003: 290].

Б.Н. Чичерина одни считают либералом, другие – консерватором. В любом случае, он оригинальный исследователь консерватизма. Исходя из определений, данных Чичериным консерватизму, можно заметить, что он выделял два типа консерватизма: «консерватизм рутинного типа», или «охранительное направление» и «либеральный консерватизм», или просто «консерватизм». «Консерватизм рутинного типа» Чичерин определял следующим образом: «На вершинах общества охранительное направление нередко опирается на одну рутину, на слепую привязанность к старине, на идолопоклонство перед существующим порядком… В руках консерваторов-рутинистов существующий порядок обречен на падение» [Чичерин, 2002: 121]. «Либеральный консерватизм», или «консерватизм» Чичерин определял как «консервативное направление… которое… воспрещает всякую бесполезную, а тем более вредную ломку. Оно равно отдалено и от узкой реакции, пытающейся остановить естественный ход вещей, и от стремления вперед, отрывающегося от почвы в преследовании теоретических целей. Ему были оди-

наково противны упорное старание удержать то, что потеряло жизненную силу, и посягательство на то, что еще заключает в себе внутреннюю крепость и может служить полезным элементом общественного строя» [Чичерин, 1905: 31]. Здесь очевидно, что «консерватизм рутинного типа» ориентируется только на стабильность культуры, не учитывая ее динамизма, а в «консерватизме» сочетаются и динамизм, и стабильность. Более того, «рутинный консерватизм» ориентируется на выполнение узкой политической задачи – на обеспечение стабильности государственной власти. Но обеспечение стабильности приводит к диссонансу с культурными процессами, для которых стабильность часто равнозначна застою и гибели. «Либеральный консерватизм» в противоположность «рутинному» основан на понимании динамизма культуры, учитывает ее творческий потенциал, но признает и важность сохранения культурных ценностей. Таким образом, с точки зрения Чичерина, для «консерватизма» первична культура, а для «рутинного консерватизма» первична политическая задача.

А.Д. Градовский [Характеристику политической философии Градовского см.: Гуторов, 2007: 5–32] различал консерватизм как мировоззрение и культурфилософскую программу и консерватизм как идеологию, нацеленную исключительно на сохранение существующих в обществе порядков. Он писал, что «Консерватизм не есть “охранение” во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Напротив… консерватизм есть важный регулятор в процессе общественного обновления» [Градовский, 2007: 354]. При этом Градовский различал консерватизм и реакционность: «Консерватор хранит старину, но в пределах требования настоящего, и обновленные, согласно этим требованиям, учреждения становятся в его глазах частью учреждений исторических, следовательно, достойных всяческого охранения. Реакционер, напротив, живет стариной, не признавая никаких требований настоящего» [Там же: 335].

О бинарности консерватизма писал и М.Н. Катков [Развернутую характеристику позиции Каткова см.: Ширинянц, 2004: 76–92; Ширинянц, 2004: 67–72]. В одной из программных статей он рассматривает введенный ранее термин «истинный консерватизм», а также «чуткий, понимающий себя консерватизм» и приходит к выводу, что существует консерватизм, который придерживается только status quo, и консерватизм «господствующих форм» [Катков, 2009: 111]. Для первого типа консерватизма важны суть и сохранение основ развития, а для второго важен только центр властных отношений, без учета ценностного содержания носителей власти.

Л.А. Тихомиров [О Тихомирове см.: Ширинянц, Кудрявцев, 2008: 45–50; Ширинянц, Ермашов, Пролубников, 1999] разделяет консерватизм на два вида: «ложный» и «истинный», в зависимости от решаемых им задач. Если первична политическая задача – обеспечение неизменности политической системы, то такой консерватизм является «ложным». «Истинный» же консерватизм отличается от «ложного» тем, что ставит во главу угла развитие самобытных культурных процессов, потому что, по мысли Л.А. Тихомирова, политика должна основываться на культуре, а не наоборот. «Ложный консерватизм» для Тихомирова – это определенное социально-политическое течение, которое выступает только за защиту существующего строя. Эта сугубо ограниченная разновидность консерватизма мешает истинным консерваторам, «из боязни поколебать основы общества сковывает их, не дает им возможности расти и развиваться». «Истинный консерватизм», в отличие от «ложного», «совершенно совпадает с истинным прогрессом, в одной и той же задаче: поддержания жизнедеятельности общественных основ, охранения свободы их развития, поощрения их роста» [Тихомиров, 1896: 38].

Таким образом, многие русские мыслители XIX века четко разделяют две ипостаси консерватизма: культурную и идеологическую. С одной стороны, кон-

серватизм может выражать объективные потребности культурного развития, сочетая стабильность с динамикой и творчеством, с другой стороны, он может выражать рутину (Чичерин), реакционность (Градовский), отстаивать в политических отношениях только статус-кво (Катков), противостоять росту и движению вперед (Тихомиров).

Определенный итог исследования консерватизма как бинарного социально-политического феномена зафиксировал В.В. Розанов [См.: Сорокопудова, 2012]. Рассматривая русский консерватизм второй половины XIX века, он пришел к выводу, что консерватизм может быть политическим (практическим) и культурно-народным (идейным). Эти виды консерватизма значительно отличаются друг от друга. Во главу угла политического консерватизма поставлена беспрекословная поддержка политики государства. Такой политический консерватизм доминировал при императоре Александре III, идейный консерватизм в то время отсутствовал. Политический консерватизм в России, по мнению Розанова, не рос, как растение, а был камнем, который давил русскую землю. К такому консерватизму в обществе закономерно сложилось негативное отношение. Для культурно-народного консерватизма, по Розанову, приоритетом являются народ и его культура, при этом консерватизм этого типа может не иметь прямых связей с правительством. Такой консерватизм, по мысли Розанова, «…охраняет все доблестное национальное, все накопленные веками сокровища культуры, быта, веры, государственности, и вместе уже простым фактом привязанности к этому прошлому и сущему, к наличной действительности и реальной истории, дает не только могущественный, но и всемогущий отпор всяческим фантазиям, всяческим личным порывам, ветрам и бурям партийного и кружкового происхождения» [Розанов, 2003: 403]. К народно-культурному консерватизму Розанов отнес творчество В.И. Даля, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. В числе выдающихся исторических личностей Розанов упоминает К. Минина и Д.М. Пожарского. Философ отмечает, что «их великий подвиг был просто русский подвиг, честное и доблестное русское дело, без всякой партийности. Они служили русской земле, в ее всеобъемлющем значении» [Там же: 405]. Розанов считал, что России необходим не политический, а культурно-народный консерватизм, то есть, говоря современным языком, мировоззренческий, для которого приоритетом является русская земля, русская культура.

Необходимо отметить, что используемый в русской социально-политической мысли XIX века термин «истинный консерватизм» отражает традицию русской социально-политической мысли, которая, по мнению С.В. Перевезенцева, исторически развивается как духовно-политическая мысль [См.: Перевезенцев, 2008: 15]. Тем самым русские мыслители добавили к политической сущности консерватизма, помимо идей и ценностей народной культуры, еще и духовный, христианский смысл. На наш взгляд, «истинный консерватизм» – это консерватизм, который не противоречит Новому Завету («истине»), поэтому данный термин использовали православные священники и русские религиозные философы. Так, в начале XX века «истинный» и «ложный» консерватизм описывает православный священник, публицист Д.И. Ромашков. Истинным, по его мнению, является тот консерватизм, который содержит «вековечные устои русской жизни» [Ромашков, 1905: 7], к которым традиционно относятся Вера, Царь и Отечество. При этом Ромашков предложил использовать два консервативных термина: «христианин-консерватор» и «гражданин-консерватор». Христианин-консерватор это тот, кто «зорко наблюдает, прежде всего, за самим собою, за своим не только внешним, но и внутренним или душевным состоянием, который, затем, тщательно охраняет посеянные в нем духовные семена от поползновения на них других людей, злых по природе и недоброжелательных» [Там же: 5–6]. Если христианин-консерватор охраняет все лучшее и совершен-

ное только в самом себе, то гражданин-консерватор «наблюдает за своими соотечественниками, охраняет не себя только, не свою собственную только жизнь, а и жизнь других людей, окружающих его, охраняет интересы и устои самого отечества, – охраняет это отечество от всяких злокозненных посягательств на его спокойствие и целостность» [Там же: 6].

В XX веке бинарный подход к консерватизму получил дальнейшее развитие в творчестве Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Г.П. Федотова и Н.О. Лосского. Так, Н.А. Бердяев в статье «Судьба русского консерватизма» выделяет два вида консерватизма: «настоящий консерватизм» и «консервативную государственную казёнщину». Бердяев считал, что «настоящий консерватизм» – это славянофильство, которое «...не просто консерватизм, в нем было очень много элементов прогрессивных, требований общих с противоположным западническим лагерем. В славянофильском учении своеобразно сочетались два противоположных начала – власти, авторитета и свободы» [Бердяев, 1989: 164-165]. А «консервативная государственная казёнщина» – направление, «культивирующее сильную власть и воздвигающее гонение на жажду свободы» [Там же: 165]. Следует заметить, что Бердяев также выделял «общественный» и «бюрократический» консерватизм [См.: Бердяев, 2007: 441]. В 1918 году Бердяев вслед за Тихомировым и другими консервативными мыслителями, приходит к мысли о существовании консерватизма «истинного» и «ложного». Для Бердяева «истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нем есть энергия, не сохраняющая только, но и преображающая» [Бердяев, 1990: 375]. Такой консерватизм, по мнению Бердяева, сочетается с творчеством и с культурной динамикой. А «ложный консерватизм» – это «охранение всей шелухи прошлого, всей его соломы, всего неонтологического, в нём есть дурной, злой, отрицательный консерватизм. Он готовит революции и бывает виновником их. Гнилостные, разлагающие процессы прошлого не имеют права на охранение» [Там же: 378]. Нужно признать, что Бердяев оказался прав. Его правота подтверждается произошедшими в XX веке в России революциями. Именно «ложный» консерватизм царского самодержавия стал катализатором революционных процессов, из-за своей односторонности он не смог учесть всю широту и многообразие культурных процессов, происходивших в России в начале XX века. Российское государство на идеологической платформе «сохранения самодержавия любой ценой» не сумело адекватно ответить на вызовы как культурного, так и политического характера. Культурная и социально-политическая катастрофа гражданской войны стала возможной в результате не только ложного революционизма большевиков, но и ложного консерватизма царского режима.

Позже характеристику двух видов консерватизма, подтвердив традиционное разделение консерватизма на «истинный» и «ложный» дал и С.Л. Франк в работе «Духовные основы общества» (1930). По мнению Франка, «консерватизм, ставший реакцией, стремлением сохранить не жизнь, а безжизненные окостеневшие формы, по самому своему существу разрушителен» [Франк, 1992: 127]. Действительно, как может существовать культура без новаций, новых форм? Содержание музеев и архивов – это значительная часть культуры, но она может и должна стимулировать плодотворное творчество в настоящем. Без актуализации прошлого культурного опыта, его анализа современниками невозможно как культурное, так и политическое развитие, считает Франк. Этому «ложному» консерватизму он противопоставляет другую форму сохранения культурного наследия – «истинный консерватизм», способствующий непрерывности и устойчивости развития. «Охранение, – пишет С.Л. Франк, – должно быть направлено не на старое, как таковое, не на готовые, уже воплощенные формы и отношения, а на непрерывность и устойчивость самого творческого развития,

самой жизненной активности; охранение самих форм общественных отношений, быта, нравов имеет всегда лишь относительное значение, поскольку оно оправданно, как охранение адекватного, удобного своей привычностью и именно потому нестеснительного традиционного русла духовного потока. С другой стороны, начало героической активности, созидания нового должно быть пропитано заботой о сохранении жизненности и прочности самой духовной непрерывности общественного бытия, должно быть раскрытием, развитием, усовершенствованием старого» [Там же].

Нужно подчеркнуть то обстоятельство, что выдающиеся отечественные мыслители обосновывали «истинный», настоящий консерватизм, исходя из признания многомерности социально-политических процессов. Такой консерватизм соединяет прошлое, настоящее и будущее. Косное охранение прошлого – это отрицание потенциала творческого созидания и неизбежный упадок. В роли созидающего начала трех модусов общественного бытия – прошлого настоящего и будущего – выступает личность, которая создает в настоящем, оправдывает подвиги прошлых поколений и закладывает основу для дальнейшего социально-политического и культурного развития.

Бинарное понимание консерватизма, можно найти и у Н.О. Лосского. В работе «История русской философии» ученый употребляет термин «здоровый консерватизм», который «не препятствует прогрессу, но избегает насильственного разрушения прошлого» [Лосский, 2011: 502]. Весьма близкие идеи по поводу консерватизма высказывает и Г.П. Федотов. Он также выделяет два вида консерватизма. Их различия обусловлены разной социальной базой. Один опирается на народ, другой – на бюрократию. Исторически «народный» консерватизм, лояльный к самодержавию, был основой всей Российской империи, залогом ее развития, ибо именно в народе сохранялись моральные устои и творческий культурный потенциал [См: Федотов, 1991: 154]. Сама по себе политическая лояльность к правительству не является для «народного» консерватизма критерием консервативности. Но именно безоговорочная лояльность является основой для возникновения «бюрократического» консерватизма, который появился в XIX веке при Николае I и Александре III. «Бюрократический» консерватизм в России, по мнению Федотова, является результатом инерционного развития государственного аппарата, основы которого заложил Петр I. Такой консерватизм, по Федотову, – это «особая форма западничества» [Там же: 162–163], разрушающая традиционные культурные основы жизни народа для ассимиляции достижений цивилизации. Для бюрократического консерватизма характерны «бездушие, бюрократическая сухость, ироническое отношение к народной душе и ее святыням» [Там же].

Применение бинарного подхода к анализу русской консервативной социально-политической мысли XIX века прослеживается также в советское время. После октябрьской революции 1917 года многие мыслители были репрессированы, а их идеи и методологические подходы забыты, русская социально-политическая мысль если и изучалась, то преимущественно под идеологическим углом превознесения всего «революционного» и «демократического» в ней и критики «консервативного», «охранительного», «реакционного».

Все это привело к тому, что в современной историографии сформировался определенный миф, согласно которому консерватизм в советское время не изучался. К примеру, В.С. Дубина отмечает, что «представления исследователей об эволюции консервативной идеологии, как и общая теория консерватизма, являются, в основном, достижениями западной историографии, так как для отечественных ученых консерватизм долгое время был запретной темой» [Дубина, 2001: 69]. Другой исследователь утверждает, что консерватизм рассматривался, но только с критических позиций: «В литературе советского периода

можно обнаружить только негативное отношение к консерватизму, обусловленное идеологическими реалиями» [Камнев, 2010: 34]. Подобные высказывания предполагают изучение консервативного наследия России с «чистого листа». Однако данные мнения не отражают всей полноты реалий исследования консерватизма в советский период. Существует и более взвешенная оценка историографии этого периода. «Сюжеты, связанные с консервативной политикой, консервативной мыслью, консервативными партиями, – пишет, например, К.А. Сулимов, – сами по себе не были табу в советской историографии. Нелицеприятная оценка вполне могла сочетаться с качественным анализом и изложением фактического материала» [Сулимов, 2006: 5]. Поэтому, на наш взгляд, следует непредвзято оценивать результаты труда советских исследователей консерватизма.

Несомненно, что в советское время сложился целый ряд гносеологических установок и стереотипов, мешающих адекватному изучению феномена консерватизма. Классовая методология не признавала актуальности консервативной тематики. Характерную для советских идеологов мысль по отношению к консерватизму высказал в 1946 году С.М. Ковалев: «Советской интеллигенции чужд какой-либо консерватизм, она вооружена могучим методом материалистической диалектики и драгоценным чувством большевиков – чувством нового, она воспитана на идеях передовой науки» [Ковалев, 1946: 35]. Социально-политическое и экономическое экспериментаторство большевиков, их жажда разрушения старого и строительства нового кардинально противоречили идеям консервативных мыслителей, для которых новизна социальной реальности не предполагала отрицания предыдущих этапов исторического развития[1]. Вместе с тем были попытки и объективного исследования истории русской консервативной мысли, исходящие из того, что без изучения всех политических и идеологических направлений в дореволюционной России, и особенно консерватизма, просто невозможно целостно осмыслить отечественную историю и культуру. К примеру, в 1941 году об этом прямо заявил С.С. Дмитриев: «Историк не может упрощать явлений прошлого. Признание консервативного характера теории в целом не освобождает от необходимости ее всестороннего изучения…» [Дмитриев, 1941: 96].

Большой вклад в объективное изучение русского консерватизма XIX века в советское время внесли дискуссии об идейном наследии славянофилов, их взаимосвязях с «теорией официальной народности». Наиболее значимыми из них стали дискуссии 1941 и 1969 годов. Первая прошла в Институте истории АН СССР. Ее инициатором выступил С.С. Дмитриев. Вторая развернулась на страницах журнала «Вопросы литературы» по инициативе историка А.Л. Янова. В рамках этих дискуссий была предпринята попытка разграничить славянофилов и теоретиков «триады С.С. Уварова», что вынудило ряд советских исследователей перестать использовать идеологические штампы без анализа текстовых источников и обратиться непосредственно к изучению трудов русских консерваторов.

[1] В этой связи уместно привести консервативное понимание новаторства, которое образно сформулировал в 1847 году С.П. Шевырев: «…если хотите построить или украсить храм Богу, то зачем же непременно вам надобно разорить для того или заново изменить какое-нибудь здание, которое служит памятником молитвы ваших предков и прожило несколько столетий? Вы строите в XIX веке: архитектура храма должна отвечать новым потребностям времени. Еще ужасно видеть, как рука нового живописца размазывает на древних иконах свои новые румяные и дебелые изображения, в которых самоуслаждается его развитая личность. Да неужели же нет для того простого дерева? Зачем же надобно непременно для таких подвигов древняя икона, на которой печать веков?» (*Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. М.: Индрик, 2009. С. 73).

Начиная первую дискуссию, Дмитриев четко обозначил два течения в русском консерватизме XIX века: «теорию официальной народности» и славянофильство. Историк утверждал, что это две разные системы взглядов. При этом он характеризовал данные направления следующим образом: «Славянофильская теория имела консервативный характер… сами славянофилы, говорившие о консервативном характере своих социально-политических взглядов, придавали своему консерватизму своеобразное толкование …Славянофильство было противоречиво, включало и реакционные, и прогрессивные стороны, признавало известное движение вперед, требовало существенных перемен» [Там же]. А вот «теория официальной народности», по мнению Дмитриева, не предполагала возможности изменений, так как триада «православие, самодержавие и народность» являлась программой сохранения существующего социального и политического строя. При этом, формулируя определение консерватизма, Дмитриев солидаризируется со славянофилом А.С. Хомяковым, который считал: «Консерваторство… есть постоянное усовершенствование, всегда опирающееся на очищающуюся старину. Совершенная остановка невозможна, а разрыв гибелен» [Там же]. Тем самым Дмитриев в советский период фактически продолжил традицию, которая была заложена в дореволюционной России: рассматривать консерватизм как бинарное (политико-идеологическое и культурно-мировоззренческое) явление, а также признал наличие в консерватизме идей культурной динамики и социального развития.

В рамках второй дискуссии А.Л. Янов прежде всего отметил неоднозначность и недостаточность классовой методологии в исследовании идейного наследия отечественной социально-политической мысли: «Задача, стоящая перед нами в связи с исследованием славянофильства, есть прежде всего задача методологическая» [Янов, 1969, № 12: 90]. Далее он сослался на свою статью «Славянофилы и Константин Леонтьев», в которой выделил две формы русского консерватизма: охранительно-идеологическую и собственно консервативную. Охранительную идеологию Янов именует «официальной народностью», приверженцы которой, по его мнению, «исходили из нерушимости существующей структуры во всей ее целостности» [Янов, 1969, № 8: 100]. В то же время, другой вид реакционной идеологии исследователь характеризует следующим образом: «В основе же консерватизма лежало представление о непрерывности определенной культурной традиции, другими словами, о приоритете и нерушимости лишь какого-то одного элемента существующей структуры, будь то “православие”, “народность” или “византизм”» [Там же]. В этом определении, на наш взгляд, зафиксированы два важных факта. Во-первых, то, что консерватизм опирается на культуру и не противостоит социальному развитию и изменениям. Во-вторых, то, что консерватизм опирается на традицию, в основе которой лежат православие, народность и византизм. И здесь становится очевидным, что различие между охранительством и консерватизмом у Янова приблизительно такое же, как между «ложным» и «истинным» консерватизмом у Тихомирова, Бердяева и других русских мыслителей.

Вне дискуссий вокруг разделения консерваторов на славянофилов и представителей «теории официальной народности», применение бинарного подхода к анализу русской консервативной социально-политической мысли XIX века в советское время прослеживается также и в работах Ю.М. Лотмана. Культуролог и литературовед, анализируя ситуацию в русском языкознании и литературе начала XIX века, отметил факт раздвоения русского консерватизма. Одну линию консервативной мысли, по мнению Лотмана, – идеологию «откровенной реакции и ортодоксальной церковности» [Лотман, 1961: 37] – представлял патриот, адмирал и государственный деятель А.С. Шишков, а вторую – окрашенный в бледно-либеральные тона «умеренный консерватизм» и «консервативный

реализм» [Там же: 30, 49] – олицетворял историк и консервативный мыслитель Н.М. Карамзин.

Повышенным интересом к истории консервативной мысли и консервативного движения в России отличаются современные исследования. При этом практически все исследователи признают бинарность как русского консерватизма XIX века, так и консерватизма в целом. Так, например, из признания бинарности консерватизма исходят В.М. Камнев и А.А. Ширинянц. В.М. Камнев считает, что «…наряду с подлинным, проективным, творческим консерватизмом возможен и консерватизм ложный и даже разрушительный. Подлинный консерватизм связан не с неподвижностью, но с сохранением целостности и здоровья жизненной субстанции, что предполагает и сохранение свойственного ей движения» [Камнев, 2010: 34]. Согласно А.А. Ширинянцу, весь спектр истолкований консерватизма можно свести к двум основным случаям: к трактовкам консерватизма, во-первых, как идеологии, во-вторых, как универсального феномена [См.: Ширинянц, 2014: 101]. Э.А. Попов рассматривает консерватизм, исходя из идейного (содержательного) и ситуативного подходов [Попов, 2005: 7, 10]. «Ситуационной» и «содержательной» трактовки понимания консерватизма придерживается в своей работе М.Ю. Чернавский [Чернавский, 2008: 18]. С.А. Шестаков также предлагает две трактовки консерватизма: «структурно-функциональную» и «идеационную» [Шестаков, 2005: 16,17]. В.Н. Шульгин выделяет в отечественном консерватизме XIX столетия «официально-бюрократическое» и «свободно-консервативное» направления [Шульгин, 2009: 51], Д.Н. Бакун разделяет «политический консерватизм» и «просвещенный консерватизм» [Бакун, 2012: 8]. В.А. Должиков рассматривает «триаду Уварова» («православие, самодержавие, народность»), с одной стороны, как триаду «русского почвенничества», а с другой – как идеологему «российского имперского государственничества» [Головинов, Должиков, Петров, 2011: 11]. Встречаются и некорректные деления. Так, спорным представляется разделение Е.В. Сартаковым представителей русской консервативной мысли XIX века на «полных» и «неполных» консерваторов[1]. Требует дополнительных разъяснений и утверждение А.А. Тесли о том, что консерватизм изначально был двойственным, что и выражено двумя мыслителями: Э. Берком и Ж. де Местром [См.: Тесля, 2014: 19]. На наш взгляд, такая позиция не учитывает наличие традиции в истории русской консервативной мысли, а также не предполагает влияния на нее особенностей русской культуры, исторического и политического контекста эпохи, в которой развивалась русская консервативная мысль.

Таким образом, можно утверждать, что консерватизм как политико-идеологическое и культурно-мировоззренческое явление имеет двойственный характер, для обозначения которого подходит термин «бинарность».

Бинарность проявления консерватизма в российской действительности ярко обозначили в своем творчестве многие русские мыслители, противопоставившие его упрощенному представлению о консерватизме как о рутине, реакционности, отстаивании в политических отношениях статус-кво, противостоянии росту, движению вперед и т. п. В истории социально-политической мысли

[1] «Неполными» консерваторами Е.В. Сартаков называет мыслителей, признающих только «православие» и «народность», а «полными» – тех, кто поддерживает «все три члена уваровской триады» (*Сартаков Е.В.* Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов. М.: Ленанд, 2014. С. 16). На наш взгляд, учитывая политические реалии XIX века в России, невозможно считать консервативными тех мыслителей, которые не поддерживали самодержавие как форму организации государственной власти в Российской империи. При этом поддержка самодержавия могла сочетаться с предложениями по реформированию социально-политической и культурно-политической сфер российского общества XIX века.

России и в историографии русского консерватизма на протяжении трех веков проявляется бинарный подход к консерватизму: с одной стороны, консерватизм рассматривается как идеология сохранения существующей политической системы, а с другой – консерватизм представляется как выражение развития ценностей традиционной народной культуры.

Из бинарного подхода к консерватизму исходили в своих исследованиях русские мыслители XIX века: М.П. Погодин, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Тютчев, Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, М.Н. Катков и др. И именно русские мыслители обратили внимание на бинарность проявления консерватизма в российской действительности. Заслуга М.П. Погодина и ранних славянофилов состоит в том, что они одними из первых подметили связь консерватизма с народной культурой, при этом не упуская из виду и такие характеристики консерватизма, как рутина, реакционность, отстаивание в политических отношениях только статус-кво, противостояние росту и движению вперед. Четкое разграничение между идеологическим консерватизмом и консерватизмом, опирающимся на народную культуру (в основе которого лежит мировоззренческий подход), описал на стыке XIX и XX веков В.В. Розанов, который выделил политический (практический) и культурно-народный (идейный) консерватизм. Бинарный подход к консерватизму развивался в трудах русских религиозных философов XX века Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Г.П. Федотова и Н.О. Лосского, в публицистике православного священника Д.И. Ромашкова. Термин «истинный консерватизм», который использовали русские философы, соединил политическое, культурное и религиозное понимание русского консерватизма и его сущности. Бинарное понимание консерватизма (на примере рассмотрения и анализа русской социально-политической мысли первой половины XIX века) проявилось и в трудах советских историков, в частности, в трудах С.С. Дмитриева, А.Л. Янова и Ю.М. Лотмана. И этот же бинарный подход к консерватизму используется в современных исследованиях в России уже в XXI веке.

Можно утверждать, что бинарный подход к консерватизму имеет длительную историю – с XIX по XXI век. Тем самым бинарный подход – не просто частный случай истолкования, а основной «тренд», традиция отечественной историографии в понимании сущности консерватизма в России.

Русская консервативная мысль в первой половине XIX века формулировала ответы на вызовы и угрозы, с которыми столкнулась Российская империя. Эти вызовы требовали различных подходов для их решения, что стало основанием для сохранения и развития бинарности русского консерватизма: идеологического, ставящего во главу угла политическую проблематику, и мировоззренческого, для которого главными являются культура народа, духовные ценности, их сохранение и развитие. На основе идеологического подхода в русской консервативной мысли обосновывалась необходимость сохранения неизменности русского самодержавия в изменяющихся культурно-политических реалиях XIX столетия, формулировались аргументы в пользу исторической закономерности выдвижения Российской империи на роль лидера европейской политики. Мировоззренческое направление консерватизма приобрело в русской социально-политической мысли первой половины XIX века форму описания культурной политики, которая, в противовес космополитическим проектам, должна была основываться на ценностях русской народной культуры.

Литература

Абелинскас Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1999.

Аксаков И.С. Народ, государство, общество // *Аксаков И.С.* Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К.Н. Леонтьев. М.: Книжный дом «Университет», 2000.

Андросенко Н.П. Переосмысление консерватизма. Консерватизм как система познания // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова: История и политология. 2013. № 1.

Аристотель. Большая этика // *Аристотель.* Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4.

Багдасарян В.Э. Консерватизм как охранительная реакция на исторические вызовы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. № 4.

Бакун Д.Н. Просвещенный консерватизм и перспективы России. От составителя // Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: Политическая антология. М.: Грифон, 2012.

Белов А.В. Органицистская концепция культуры в философии русского консерватизма: дисс. … докт. философских наук. Ростов-на-Дону, 2004.

Бердяев Н.А. Судьба русского консерватизма // Киносценарии. 1989. № 5.

Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // *Бердяев Н.А.* Собр. соч. Париж: YMCA-Press, 1990. Т. 4.

Бердяев Н.А. Общественный и бюрократический консерватизм // *Бердяев Н.А.* Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007.

Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социологические исследования. 1991. № 6.

Биденкопф К. Время синтеза // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 7.

Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: Пер. с англ. М., 2014.

Васич В.В., Ширинянц А.А. Политика. Культура. Время. Мифы. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Волков Ю.Г. Идеологическое затмение? // Социологические исследования. 1994. № 10.

Вышеславцев Б. Философская нищета марксизма // Стратегия России. 2007. № 9.

Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. О социальных корнях консервативной волны. М.: Наука, 1987.

Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29.

Головинов А.В., Должиков В.А., Петров Д.С. Идеологический облик русского традиционализма: приоритеты и ценности народничества, областничества, толстовства. Барнаул: Сизиф, 2011.

Горохов А.А. Консерватизм в России и формирование системы консервативных ценностей в русской социально-политической мысли первой половины XIX века: Дисс. … канд. полит. наук. М., 2015.

Градовский А.Д. Что такое консерватизм? // *Градовский А.Д.* Трудные годы (1876–1880): очерки и опыты А.Д. Градовского. М.: ГПИБ, 2007.

Гуторов В.А. Современная политическая философия в контексте наследия И. Канта // ПОЛИТЭКС – Политическая экспертиза: Альманах. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. Вып. 2.

Гуторов В.А. Политическая философия А. Градовского и ее истоки // ПОЛИТЭКС – Политическая экспертиза. СПб., 2007. Т. 3. № 2.

Гуторов В.А. Консерватизм на Западе и консервативный проект для России: очередной миф или реальность? // *Гуторов В.А.* Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, Факультет политологии, 2011.

Гуторов В.А. Наследие И. Канта и проблема статуса современной политической философии // *Гуторов В.А.* Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, Факультет политологии, 2011.

Гуторов В.А. Универсальная царская власть и «альтернативная модель конституций» в «Политике» Аристотеля // *Гуторов В.А.* Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, Факультет политологии, 2011.

Гуторов В.А. К проблеме формирования аристотелевской концепции практической философии // *Гуторов В.А.* Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, Факультет политологии, 2011.

Девяткин Д.В., Николаев В.Г. Консерватизм: трактат. Челябинск: Атмограф, 2011.

Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство (из истории русской общественной мысли середины XIX века) // Историк-марксист. 1941. № 1.

Дубина В.С. Русский консерватизм как общественное явление // Философский век: Альманах. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2001. Вып. 16: Европейская идентичность и российская ментальность.

Ермаков А.В. Против течения? Русские консерваторы XIX века и просвещение. М.: Мельничная падь, 2006.

Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007.

Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма. М.: ГУ ВШЭ, 2010.

Камнев В.М. Исторические формы и религиозно-философские основания русского консерватизма: автореф. дисс. … докт. философ. наук. СПб., 2010.

Кант И. Критика способности суждения // *Кант И.* Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5.

Катков М.Н. К какой принадлежим мы партии? // *Катков М.Н.* Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

Ковалев С.М. Интеллигенция в советском государстве: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Круглом зале Дома союзов в Москве. М.: Правда, 1946.

Кокшенова К. Предисловие от редактора // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003.

Консерватизм в ценностных ориентациях канадского общества: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Византизм и славянство. Великий спор. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический проект, 2011.

Лосский Н.О. Ценность и бытие [Электронный ресурс] // Psylib.org.ua: [сайт]. URL: http://psylib.org.ua/books/lossn01/txt03.htm.

Лотман Ю.М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1961. Вып. 104.

Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII – начало XX в.). СПб.: Нестор-История, 2003.

Малинова О.Ю. Исследуя феномен консерватизма // Политические исследования. 2003. № 3.

Манхейм К. Идеология и утопия // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994.

Маршак А.Л. Культура и идеология в социальной жизни России: различия и идентичность // Власть. 2008. № 6.

Механик А. Консерватизм невозможен без свободы. Что такое современный немецкий консерватизм? // Expert.ru : [сайт]. URL: http://expert.ru/expert/2003/37/37ex-fond1_21441.

Милованов Ю.Е. Языковые аспекты государственной идеологии // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. 1993. № 5.

Мырикова А.В. Политические идеи Ф.И. Тютчева: диссертация ... канд. полит. наук. М., 2003.

Никитин А.П. Менталитет россиян и консерватизм // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 5 (95).

Осипов И.Д. Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. статей. СПб., 2004. Вып. 1.

Оукшот М. Что значит быть консерватором // *Оукшот М.* Рационализм в политике и другие статьи: Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002.

Перевезенцев С.В. К вопросу о специфике русской социально-политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 4.

Погодин [М.П.] Письма М.П. Погодина к князю П.А. Вяземскому // Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к князю П.А. Вяземскому 1825–1874 годов (из Остафьевского архива). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1901.

Погодин М.П. О влиянии внешней политики нашей на управление // *Ширинянц А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский міръ, 2008.

Попов И.И. Культура и культурология // Наука в России. 2004. № 4.

Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2005.

Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М.: МПУ «СигналЪ», 1999.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.

Робин К. Реакционный дух: Консерватизм от Эдмунда Бёрка до Сары Пэйлин. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Розанов В.В. Судьбы русского консерватизма // *Розанов В.В.* Собр. соч. Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М.: Республика, 2003.

Ромашков Д.И. Истинный и ложный консерватизм и либерализм. М.: Типолитография И. Ефимова, 1905.

Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. 2001. № 3.

Самарин Ю.Ф. Чему должны мы научиться? // *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Сартаков Е.В. Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов. М.: Ленанд, 2014.

Соколов К., Жидков В. Теория культурной политики: понятийный аппарат и основные определения // Культурная политика. Проблемы теории и практики: Сб. статей. СПб., 2003.

Сорокопудова О.Е. Политическая философия В.В. Розанова: специфика и проблемы исследования: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2012.

Сулимов К.А. Морально-политический выбор консерватизма и институционализация политической идентичности: автореф. дисс. … канд. полит. наук. Пермь, 2006.

Тесля А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014.

Тихомиров Л.А. Борьба века. М.: Университетская типография, 1896.

Троско Р.А. Основы исследования идеологии в современной социальной философии. Барнаул: АГУ, 2006.

Тютчев Ф.И. Россия и Революция // Ваш Тютчев: Собр. соч.: стихотворения, переводы, публицистика. Из писем. Тютчев в воспоминаниях, письмах современников и документах. М.: Классика, 2003.

Тютчев Ф.И. А.Ф. Аксаковой // Ваш Тютчев: Собр. соч.: стихотворения, переводы, публицистика. Из писем. Тютчев в воспоминаниях, письмах современников и документах. М.: Классика, 2003.

Урбан В. Развитие немецкого и русского консерватизма в XIX веке // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002.

Федотов Г.П. Революция идет // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб.: София, 1991. Т. 1.

Франк С.Л. Духовные основы общества: Введение в социальную философию // *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.

Франк С.Л. Русское мировоззрение [Электронный ресурс] // Patriotica.ru : [сайт]. – URL: http://www.patriotica.ru/religion/frank_rus_mir_.html

Хомяков А.С. О современных явлениях в области философии: Письмо к Ю.Ф. Самарину // *Хомяков А.С.* Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Хорина Г.П. Идеология консерватизма и управление современной Россией // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3.

Чернавский М.Ю. Идеологии либерализма и консерватизма. М.: Гуманитарно-социальный институт, 2008.

Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1905.

Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала // *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М.: ГПИБ, 2002.

Шамшурин В.И. Учение Э. Берка о человеке и обществе. Идейные истоки неоконсерватизма // Социологические исследования. 1991. № 6.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.

Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. М.: Индрик, 2009.

Шестаков С.А. Российский консерватизм: история и современность. Тюмень: Изд-во Юридического института, 2005.

Ширинянц А., Мячин А. Русская социально-политическая мысль XIX века: К.Н. Леонтьев. М: Изд-во Московского университета, 1995.

Ширинянц А., Ермашов Д., Пролубников А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Л.А. Тихомиров. М: Книжный дом «Университет», 1999.

Ширинянц А.А. Михаил Никифорович Катков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. М., 2004. № 5.

Ширинянц А.А. «Установитель русского просвещения»: Примеч. к публикации: М.Н. Катков «К какой принадлежим мы партии» // Роман-журнал XXI век: Путеводитель русской литературы. М., 2004. № 9.

Ширинянц А., Кудрявцев В. Идеалы и политика: монархическая государственность Л.А. Тихомирова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 45–50.

Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Изд-во Московского университета, 2011.

Ширинянц А.А. Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. № 3. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014.

Ширинянц А.А. Возвращение к истокам? Консерватизм и партстроительство в современной России // Историческое образование. М., 2014. № 4.

Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб.: Азбука, 2001.

Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб.: Нестор-история, 2009.

Янов А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев. (Русская консервативная мысль и ее интерпретаторы) // Вопросы философии. 1969. № 8.

Янов А.Л. Ответ оппонентам // Вопросы литературы. 1969. № 12.

Abdul Hamid A.F., Takiyuddin Ismail M. Abdullah Ahmad Badawi: A Malaysian NeoConservative? // Japanese Journal of Political Science. 2012. Vol. 13. № 3.

Hirsh J.B., DeYoung C.G., Xu X., Peterson J.B. Compassionate Liberals and Polite Conservatives: Associations of Agreeableness with Political Ideology and Moral Values // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. № 36 (5).

Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American sociological review. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19–51.

Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political Conservatism as Motivated Social Cognition // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129. № 3.

Kirk R. Ten Conservative Principles [Электронный ресурс] // OrthodoxyToday.org . URL: http://www.orthodoxytoday.org/articles2/Kirk10Principles.shtml

Muller J.-W. Comprehending conservatism: A new framework for analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. № 11 (3).

Murphy P. Daniel Bell, conservative // Thesis Eleven. 2013. № 118 (1).

Sidanius J., Pratto F., Bobo L. Racism, Conservatism, Affirmative Action, and Intellectual Sophistication: A Matter of Principled Conservatism or Group Dominance? // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70. № 3.

Van Dijk T.A. Discourse, semantics and ideology // Discourse and society. 1995. V. 6. № 2.

Wilson G.D. The Psychology of Conservatism. London: Academic Press, 1973.

Yılmaz H. Conservatism in Turkey // Turkish policy quarterly. 2008. Vol. 7. № 1.

Аннотация. Представлен обзор подходов к определению понятия «консерватизм», доказывается, что в истории социально-политической мысли России на протяжении трех веков проявляется бинарный подход к консерватизму: с одной стороны, консерватизм трактуется как идеология сохранения существующей политической системы, с другой – выступает выражением ценностей народной культуры. Активно такой подход к анализу консерватизма применяли М.П. Погодин, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Тютчев, Б.Н. Чичерин, Л.А. Тихомиров, А.Д. Градовский, М.Н. Катков, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, Н.О. Лосский, Д.И. Ромашков. Прежде всего именно их творческими усилиями был наполнен смыслом термин «истинный консерватизм», в котором соединилось политическое, культурное и религиозное понимание русского консерватизма и его сущности как идеи развития русской культуры, российского государства и общества.

Ключевые слова: Россия, история русской социально-политической мысли, консерватизм, ценности, народ, культура, государство, мировоззрение, идеология.

Andrey Gorokhov, Ph.D. in Political Science, Assistant, Department of History of Socio-Political Doctrine, Political Science Faculty, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: studes@yandex.ru

Conservatism in Russia and the Characteristic Features of Russian Conservative Socio-political Science in the First Half of the 19th Century

Abstract. Herein an overview of the approaches to the concept of “conservatism” is given, proving that in the history of socio-political ideas in Russia over three centuries the binary approach to conservatism was apparent: on the one hand, conservatism is seen as the ideology of preserving the existing political system, on the other hand, it embodies the values of the folk culture. Such approach was actively applied to the analysis of conservatism by a lot of scholars including M.P. Pogodin, A.S. Khomyakov, Yu.F. Samarin, D.I. Tyutchev, B.N. Chicherin, L.A. Tikhomirov, A.D. Gradovsky, M.N. Katkov, N.A. Berdyaev, V.V. Rozanov, S.L. Frank, G.P. Fedotov, N.O. Lossky, D.I. Romashkov. Mostly due to their creative efforts the term “genuine conservatism” received its true meaning, combining political, cultural and religious understanding of Russian conservatism and its essence as the idea of Russian culture, state and society development.

Keywords: Russia, The History of Russian Socio-Political Ideas, Conservatism, Values, People, Culture, State, World Outlook, Ideology.